

Новелла МАТВЕЕВА

1. Как вы теперь, в конце XX века, воспринимаете Пушкина?

Теперь, к концу века, творчество Пушкина кажется мне даже более доходчивым, современным, новым, чем в разные предыдущие периоды. Тому немало причин. К примеру — необъявленное отрицание Пушкина той (в основном) частью общества, которая считает себя почему-то нашей элитой. Я сказала бы даже так, что Александру Сергеевичу объявлена необъявленная война! То его называют рядом с поэтами двадцатого века, наиболее затюшканными критикой, но вообще-то (при всех их качествах) недостойными этой чести (ее в нашем веке вряд ли вообще кто достоин!); то — как бы ненароком — ставят имя Пушкина уже... вторым после имени своего какого-нибудь любимца сердечного (не так ли Ноздрев играл в шашки, потихоньку двигая их рукавом?!); то еще какой-нибудь фокус покажут... имеющий целью: то ли Пушкина лишней раз «незаметно» принизить, то ли другого возвысить за его счет, а скорее всего — преследуя враз обе цели.

Те же сочинители, режиссеры и влиятельные (вроде бы) театральные критики или — как там их еще? — работники радио и телевидения, например, какому-нибудь Тенниси Уильямсу (с его большим талантом, но и с его довольно отталкивающими героями-извращенцами) уделяют примерно в две тысячи раз больше места и времени, чем Пушкину! Из своих же, из российских авторов по-настоящему признают, кажется, только Чехова. Чехов, конечно, превосходный писатель, но зачем же ступля ломать? И неужели же он ярче Пушкина, сильнее самого Шекспира? Категорически отрицаю это! И еще сохранились люди, которые тоже будут это категорически отрицать, несмотря на давление... Между тем, первый юбилей Пушкина — поглощенный ослепительными чеховскими лучами — промелькнул почти незаметно. Чеховский юбилейный год уже лет десять, кажется, длится. А юбилей Шекспира — весь прошел под знаком того, что Шекспира якобы не было! Или — что вместо него писали другие...

Но — любопытное дело! При виде столь странного обращения с мировой классикой некоторые люди даже начинают протестовать! В их душе просыпается настроение противоречия тому, что они наблюдают...

Я еще заметила, что духи Противоречия, работающие нынче на Пушкина, не одиноки. Что на него, оказывается, еще более плодотворно работают и все те люди, что сознательно или даже, может быть, подсознательно **оберегают от порчи русский язык наш!** Впрочем, прежде всего это все-таки пушкиноведы. Из уже ушедших это, к примеру, Лотман и Файнберг (с Ильей Львовичем Файнбергом я имела счастье быть лично знакомой). Из живущих (дай Бог и впредь здоровья!) обращает на себя внимание, скажем, Валентин Непомнящий с его яркими открытиями. Пером поэта борется с заисильем новых фиглярных (как может, не разрешает липким водам забвения подступиться к великому имени) и Валентин Берестов... Мне почему-то вспоминаются в связи с образом Пуш-

Закончен сбор материалов в «День поэзии (Пушкинский)», который намечено выпустить в издательстве «Вече» к юбилею нашего великого поэта. Представлено очень много всего интересного — стихи современных поэтов, статьи — Валентина Непомнящего, Михаила Филина, Сергея Небольсина, священника Бориса Нечипорова, Юрия Кублановского, Э.С. Лебедевой, Д.Р. Меркина, впервые будут опубликованы из Пушкинианы Русского Зарубежья материалы архиепископа Нестора, К. Бальмонта, Ивана Шмелева, Александра Амфитеатрова, Георгия Адамовича, К.Зайцева, Н.Тэффи, Ивана Бунина. Наши современники представили очень интересные ответы на Пушкинскую анкету.

Хочу предложить вниманию читателей любопытную подборку, которую предоставила Новелла Матвеева: ее ответы на анкету (в сокращении), ее стихотворение и стихотворение ее матери, которая, оказывается, тоже была поэтом.

Геннадий ИВАНОВ, составитель сборника

Инакомыслящий Пушкин

кина (вроде и не ему посвященные!) стихи современного литовского классика (увь! — и живьем замолченного и уже из жизни ушедшего) — Янины Дегутите:

...Клейкие воды по горло уже! Скорей! И тебе простится, что обернешься, И тебе простится, что ты занешишь, Что оборвется твой, солнцу подобный, голос, Орфей!

Мне представляется так, что Орфей в аду это и есть Пушкин — в атмосфере нашей современности. Во всяком случае до недавнего времени все так и обстояло...

2. Каково было воздействие Пушкина на вас в разные периоды вашей жизни?

В моем раннем детстве мама читала мне и сестре «Сказки» Пушкина. Особенно поразила тогда мое воображение «Сказка о рыбаке и рыбке». Мать бесподобно декламировала взрослые стихотворения Пушкина. Постоянными в ее репертуаре были: «Деревня», «Погапло дневное светило» и довольно большой отрывок из «Бахчисарайского фонтана». Отец собирал «Пушкиниану», то есть все книги Пушкина и о Пушкине, какие только мог вмести в его небольшой кабинет (полупоходный, потому что мы часто переезжали). Отец был не только историком, но и лектором. Выступал перед публикой фабричной, заводской, колхозной, ученой, санаторной и всякой другой. Однажды я его попросила прочитать лекцию... дома! К моему удивлению, он согласился и прочитал — в домашних условиях! — перед нами, детьми, одну из превосходнейших своих лекций о Пушкине. Произносил он ее, не глядяывая ни в какие листки, — по памяти и по вдохновению...

К тому времени я давно знала наизусть и «Элегия», и «Деревню». «О, если б голос мой умел сердца тревожить!» — часто повторяла я про себя... Но ребенок, у которого дома фактически и чтецкая эстрада, и ораторский лекторий, посвященные Пушкину, находятся, не считая книг о нем, материнских стихов о нем и его портретов, — такой ребенок в конце концов избаловывается, как птенец, которому — глядишь — и наскучила золотая скорлупа, потому что он сам из нее вышел. Лет с одиннадцати, с двенадцати я начала уходить от Пушкина и пропадать Бог знает где в поисках чего-то иного, не похожего на пушкинское творчество... Чего-то более резкого и, как мне казалось, более характерного; такого, может быть, как гофманские сказки, как гоголевский «Портрет»... Самобытность художества начала представляться мне в виде могучего, но кривоватого и узловатого дерева, тогда как пушкинские стихи казались колонной: высокой и светлой, коринфской или дорической, из лучшего мрамора! — но... взгляду на ней, казалось, было не за что зацепиться. И это мое отступничество от Пушкина длилось очень долго... Советско вспоминаю, но я и взрослая периодически теряла его из виду, хотя и помнила, что он — есть. Однако же забыть его по-настоящему и всерьез, конечно, нельзя. Как ты ни «замыслишь побег», а ничего из этого не получится. И теперь многое возвращает меня к Пушкину... Так, может быть, мне это просто **казалось**, что я когда-либо от-

Пушкин

далаясь от Пушкина? Ведь все равно же я всегда оставалась человеком из своего дома! Ведь же все равно в глубине души я ВСЕГДА помнила «Деревню» наизусть! И тут уже невольно вспоминается лермонтовское: «Так храм оставленный — все храм. Кумир поверженный — все бог».

Теперь я уже не считаю Пушкина «слишком замкнутым в своем совершенстве», как считала когда-то. Наоборот, мне теперь думается, что в своем совершенстве он слишком открыт. И за него становится страшно, как за Россию.

3. Может ли в обозримом будущем произойти такая переоценка ценностей, что подавляющее большинство читателей перестанут улавливать особую связь Пушкина и России? Какую роль вы отводите Пушкину в судьбе будущей русской литературы?

Перестанут ли читатели улавливать особую связь Пушкина и России? Читатели-то, наверно, не перестанут. То есть пока люди в России читают Пушкина, они уже тем самым улавливают, не могут не улавливать эту связь... Только бы их не отучили от Пушкина те, кто уже — не улавливает!

Для того, чтобы сохранилась такая взаимосвязь, как Пушкин — Россия, нужно, чтобы (как минимум!) существовала сама Россия. А сегодня сквозь иностранщину, сугубо полугайскую и такую вульгарную, что и в самих Заграницах такой, наверно, не видали, Россия просматривается слабо. Проснись вдруг Александр Сергеевич, так небось и не узнал бы ее! Разве по Храму Христа Спасителя понял бы, что кругом все еще Россия...

Замечательно, что восстанавливаются храмы! Но разве они не были прежде всегда — пристанищами для бедняков? Оставляя бездомных погибать на мостовой (у всех-то христиан на глазах!) от холода и голода (только бы не проклялись на чердаки, где чуть теплее!) — город обманывает Христа! Но неужели не каждый храм дает им помощь и приют? Это удивительно,

странно, дико! Пушкин ведь «чувства добрые» лирой пробуждал — где же они, эти добрые чувства? Куда бы они там ни запропастились, я знаю: только тогда, когда они вернутся, — восстанет и целительное, благодатное, живое влияние Пушкина на Россию.

Ибо для восприятия благодатных влияний требуется встречное движение, энергия — встречная. Если же их нет...

Как явствует уже, наверно, из всего вышесказанного, пока я не вижу корней влияния Пушкина на будущность нашей литературы. Самых корней я не вижу. Чего ждать от литературы, представители коей (за редкими исключениями) деспотизм усматривают преимущественно в запрете на непотребства, а свободу — в разрешении непотребства?! Быть бы им капелю поумней — так хоть о том догадывались бы, что дело-то участное, а никак не государственное! (Хотя и позволяющее, конечно, многим «без драки попасть в большие забияки»...) Что? Храбрость обуюла необыкновенная? Вот и повоевали бы за бездомных, голодающих, замерзающих зимой на улицах — вона их уже сколько стало! — защищая-не-буду! Но где там!.. Нашим писателям в большинстве их не до того... У них и цели иные. «Пегас иную Иппокрену копытом вышиб» перед ними. Их пегас таков, что даже из самых глубоких, самых серьезных почв ничего не способен выбить, кроме эротики, эротизма и эротомании. Для них — впрочем, это и есть основная вопиющая проблема рубежа двух эпох! Так зачем же им Пушкин, спрашивается? Лучше уж они будут продолжать печатать своего «Глейбова» (что в переводе на обрусевший означает «Сутенер», и это известно ВСЕМ, кто с такой гордостью за себя публикуется нынче в поименованном «Сутенере»)...

Впрочем, сегодняшняя литературная братия не отрицает и Пушкина тоже. По-своему она его даже и признает, но... уж очень по-своему! То есть он ей нужен тогда, когда ей кажется, что он что-то подтверждает в ее собственных умозаключениях. Ибо нечего и говорить — насколько она умнее его и, разумеется, проницательнее! Он вот не умел выбирать из своих мыслей главные, а она (из ЕГО мыслей, не из своих, конечно!) — как налетит — так сразу и выберет! «Мы ленивы и нелюбопытны», «Мы ленивы и нелюбопытны» — повторяют без конца и с упоением новейшие сочинители. (В надежде и уверенности, что это не о них, но об их оппонентах сказано!). Зато те же самые литераторы пушкинскую «Любовь к родному пепелищу» не поощряют и опять не повторяют и повторяют это за ним ничем не станут! Неистовый восторг, непреходящее восхищение выливаются в них грехи и заблуждения юности поэта; им льстит его «Гавриилиада» (самим поэтом впоследствии без оторопи отвергнутая!). Но Пушкина взрослого, Пушкина им непокорного, Пушкина инакомыслящего они с негодованием отвергают! К примеру — центральную, думается, в его творчестве мысль: «Гений и злодейство — две вещи несовместные» — забраковали — и все тут! Упразднили своею волею и властью — да и дело с концом. А все же интересно: с чего бы это? И для чего? Чем эта мысль (и ведь в аккурат в самый разгар торжества преступности!) — им помешала? Они-то ведь — не уголовники! — а даже наоборот — просветители? Так для чего же, спрашивается, вдруг понадобился им этот пересмотр пушкинского великого афоризма? Неужели же они хотят сказать, что сами они, конечно, с одной стороны, — гении, но, с другой стороны, и на злодейство согласны? Не верю! «Не верю наветам коварным!»

Так что как ни велик Пушкин, а наши писатели нынешние — еще развитее. Правда, даже все сообщая, они все равно не могут написать, например, вещь на уровне «Евгения Онегина». Потому — для этого гуманизм нужен. Настоящий. Судя по всему взять им его — негде... Но зато они выше гуманизма! Так для чего же им влияние Пушкина **вперед**, коли уже и в прошлом они с ним, с этим Пушкиным, намучились, и сегодня не знают — как же им от него наконец отделаться? Влияние? Влияние с в ш е бывают, а кто же согласится воспринимать влияние с н и з у? **Сниже?**

Новелла МАТВЕЕВА

ПУШКИН

К чему изобретать национальный гений? Ведь Пушкин есть у нас; в нем сбился русских дух. Но образ Родины он вывел не из двух случайных принципов и не из трех суждений;

Не из пяти берез, одетых в майский пух; И не из тысячи гремучих заверений; Весь мир! — весь белый свет в кольцо его творений Вместился целиком. И высказался вслух.

...Избушка и... Вольтер! Казак и... нередица Лишь легкой створкой здесь разделены для вида;

Чего-кого тут нет!..

Свирель из тростника —

И выюг полнощных рев...

Средневековый папер,

Золотокудрый Феб,

коллежский регистратор,

Экспромт из Бомарше и — песня ямщика.

1970-е годы

Надежда

МАТВЕЕВА-ОРЛЕНЕВА

*** Лед переплавился ладожий. Весна обозренье открыта. Вступают Корзины ландышей В ряды знаменитых гранитов,—

Они Согреваются сдержанно, Давно позабыл поэта,— Крутыми овалами срезаны, Усердьям преданьем одеты...

Свидетели слав и бесславия, Тяжелой любви, и бреда, Граниты! Зачем не оставили Вы дорогого следа?

Остались такими же черствыми И даже теплей не стали! А здесь Покупал он веснами Ландыши для Натальи.

Черную реку — помните? Пепел остыл в камине. В дреме, в лазоревой комнате Лежала она, — богиня!

А он уже выскан слеваю! И ни о чем не спросит. И тень головы кудрявую На мрамор колонн — не отбросит.

Лед переплавился ладожий. Вот и приблизилось лето... Я не куплю этих ландышей. Я не забуду Поэта!

(По всей видимости — конец 1920-х годов)

06.02.98

Пушкин А.С.